

ЮБИЛЕЙ

1. — Алиса Бруновна, почему вас называли Алисой? Непопулярное имя для вашего поколения.

— Это папа, потому что мама хотела, чтобы я была Наташей. А бабушка ей говорила: "Ты что, с ума сошла? Представь себе: Наталья Бруновна Фрейндлих. Что ж ты девочке устраиваешь?" Я полтора года без имени жила.

— Как вам удалось пережить блокаду?

— Мы не уезжали. Сначала, первую тяжкую зиму, мы пережили благодаря бабушке, потому что она — Железный Феликс. Немка, она выстроила нам железный режим, мы получали хлеб по часам. Она категорически не разрешала молодым и бесшабашным маме и папине сестре выпустить хлеб на следующий день. Каждый день до работы они ходили и выкупали то, что предназначалось на сегодня. Потом бабушка с сестрой и ее детьми уехали, и мы с мамой одни остались. Мама не хотела уезжать из Ленинграда, сказала: "Если умирать, так умирать здесь". Она была бухгалтером по профессии, хотя с отцом они начинали без всякого образования в ТРАМе (Театр рабочей молодежи. — М.Р.). Но потом они расстались, и мама работала бухгалтером в театральном-постановочном комбинате. Во время войны никому не нужный комбинат закрыли, и мама с тетюшкой пошли на завод простыми работницами.

Перед работой они вставляли раненку и выносили ведро с нашим туалетом. И однажды поскользнулись на лестнице (а это была практически горка, а не лестница) и со всем этим туалетом, который вылился на них, доехали до низу. Представить сегодня трудно, как во время голодной блокады, смертей они сидели внизу все в дерьме и хохотали. Вообще, я помню, мы довольно много смеялись дома. Бабушка, которая руководствовалась деловой целесообразностью, придумывала всякие забавы. Как у всякой немки, у нее было множество всяких спецеей. Она варила студень из столярного клея и добавляла горчицу — довольно вкусная штука была. А в кипятке она гвоздику бросала и соду, и эта шипучка нам, детям, страшно нравилась.

— Что вам досталось в характере от немецкой бабушки?

— У меня идет постоянная борьба русского разгильдяйства с немецкой педантичностью. Все время происходит этот поединок.

— И кто кого?

— К сожалению, я бываю в основном балдой. Но, когда ситуация делается экстремальной, когда мне нужно собраться, вот тут я чувствую, как бабушка Шарлотта начинает мною руководить. У нее было 5 сестер, и у всех замечательные имена: Жозефина, Елизавета, Мария, Анна и Зубина.

2. — Ваш отец, знаменитый Бруно Фрейндлих, сыграл в вашей артистической карьере какую-нибудь роль?

— Я жила с отцом где-то первые шесть лет своей жизни. Потом они с мамой разошлись, во время войны мы не общались, после войны тоже. Только когда я заканчивала школу, тогда мы могли вести беседы на профессиональные темы. Когда пришло время поступать, я долго не могла понять куда: то ли в театральный, то ли в консерваторию. По классу вокала, естественно, потому что в те времена у меня был голос приличный, сейчас-то его уже нет.

— Сопрано?

— Мещо-сопрано. Сильный был голос, годный для консерватории, и меня, можно сказать, туда заманивали. Но у меня не было музыкального образования. "Не бойтесь, немного подучитесь", — говорили мне и рекомендовали перед консерваторией окончить подготовительный курс, который дал бы мне какие-то основы музыкальной грамоты. Но нетерпение мое было так велико, что папа сказал: "Давай в театральный институт, будешь там петь сколько твоей душе угодно". Более того, у нас на вступительных экзаменах был лазутчик из Москвы — профессор из ГИТИСа, где открывался курс мюзикомедии. Он меня туда тоже заманивал. И я взмолилась Борису Зону: "Ради бога, меня не отдавайте. Я ненавижу оперетту". Но, честно говоря, для оперы я была мелковата, певицы-то были будь здоров какие крупные. А вот для камерного пения вполне годилась. И вот тогда папа сказал: "Ты подумай, что лучше: быть на камерной сцене и в малую меру использовать свои способности — или остаться на драматической и петь от всей души".

— Чему главному научил вас отец в актерском деле?

— Мы не вели специальных бесед, чтобы брать их на карандаш. Но одна серьезная позиция есть. Он сказал: "Если в роли нет судьбы — значит, это плохая роль. А если даже судьбы нет, но есть хоть какая-то маломальская возможность ее вытянуть, то стоит браться".

3. — В кино, да и в театре, у вас не было ролей представителей социального низа или простых людей. Все больше королевские особы, в крайнем случае руководящие дамы.

— Ну почему же — Мама, домработница в "Бальсе". Очень знаменитый был фильм. Еще я была кондукторшей трамвая у режиссера Каллика.

— И тем не менее режиссеры вам не доверяли в кадре ни считать за прилавок, ни махать лопатой... Белая кость — как бельмо на глазу.

— Ничего такого особенно белого во мне нет. Есть просто несколько поколений питейцев, и никаких дворян, баронов там. По линии бабушки — они все были художники, стеклодувы, а по линии деда — тоже ремесленники: аптекарь, садовник, правда, императорского двора.

— И все-таки почему вас не утвердили на роль учительницы Нади в "Иронии судь-

бы", которую потом сыграла Барбара Брыльска?

— Я даже пробовалась, сейчас вспомню с кем. С Басилашвили, да, с ним. И Рязанов меня... не то чтобы "пошла вон". Мы были с ним в хороших отношениях, и он объяснил: дело не в том, что я не учительница, а что ему нужна актриса, которая сразу бы, в одночасье заставила героя в себя влюбиться. "А вас, — сказал Эльдар Александрович, — надо узнать, чтобы влюбиться".

— Мне кажется, он заблуждался.

— Не знаю. В "Зигзаге удачи" его очень даже устраивало, чтоб я была такая моль паршивая. Он меня звал и туда, но я отказалась: была беременна Варькой.

— Только честно, вы не огорчаетесь, что роль в фильме, который каждый Новый год смотрит вся Россия, досталась не вам, а польской артистке?

— Нет, не расстраиваюсь. Много ролей прошло мимо, так что нечего расстраиваться.

4. — Предлагаю игру "Что лучше?" Играть в гриме или без грима?

— А это зависит от роли. Если есть характер, требующий поддержки гримом, то нельзя им не воспользоваться. А если в этом нет необходимости, то, как мы говорим с Галей Волчек, нужно себя только положить в проявитель. Потому что если совсем ничего не положить на лицо, то останусь бледной молью.

— Но такое ощущение, что косметикой вы не злоупотребляете?

— Злоупотреблять не злоупотребляю, но пользуюсь обязательно.

— Что важнее, искусство или жизнь?

— Для меня? Искусство. Потому что жизнь без искусства была бы скучна. Жизнь — прилагательное.

— Кто вам интереснее — люди из театра или люди из жизни?

— Мне интереснее люди из театра, которые пришли туда из жизни. Вот такой странный ответ.

— Что важнее, дети или внуки?

— Для меня это единый клубок.

— Как вы счита-

ете, вы бабушка достойная?

— Нет, недостойная. Я и матерью была недостойной.

— Синенький скромный платочек или темно-вишневая шаль?

— Думаю, что синенький скромный платочек. Шаль — это вообще не очень-то мое, а тем более вишневая.

— Любить или наслаждаться?

— Наслаждаться, любя.

— Курить или гулять?

— Гуляя, курить. Очень часто выхожу погулять и тут же беру сигарету. У меня много курю, больше пачки в день.

— И каков стаж курильщика?

— Теперь, 3-3-3, 36. Я закурила поздно, в 33 года, нет, наверное, в 35. Так случилось, что умерла мама, а у меня на выпуске был спектакль, в котором я должна была курить. Так что причина в том, что умерла мама, а повод

"Служебный роман"

"Д'Артаньян и три мушкетера"

Спектакль "Оскар и розовая дама"

— А вам свойственна гордыня?

— Надеюсь, что нет.

— А гордость или бедность?

— Гордая бедность — это лучше, чем бедная бедность.

— А бедность или порок?

— Вы спрашиваете о пороке в том смысле, что можно позволить себе что-то недостойное для преодоления бедности? Нет, нет, я думаю, что я предпочла бы бедность, но не нарушила каких-то... не перешагнула порога совести. Отсутствие совести — вот порок.

— Ваш выбор — жестокий романс или служебный роман? Тем более что в вашей биографии, да и, надеюсь, в биографии, и то, и другое было.

— Если вы имеете в виду не кинокартины, то не знаю... Не вижу предмета для сравнения.

5. — Но ведь ваши отношения со знаменитым режиссером Игорем Владимировым, ставшим впоследствии вашим мужем, можно квалифицировать как служебный роман?

— Я думаю, в нашем с Владимировым случае служебный роман, конечно, лучше, чем жестокий романс. Жестокий романс — это мгновенное, это страсть. А страсть — преходящее.

— Ну, я не знаю.

— И я не знаю. Я думаю, что Владимиров заинтересовался мною сначала как актрисой и пригласил с собой в театр. Тогда я была женой совсем другого человека, Володи Карасева, моего сокурсника. Потом они переучились и стал журналистом.

— А он жив?

— Да, да. А когда мы встретились с Владимировым, он тоже был женат, поэтому он сначала меня помянул как артистку. Не ролью помянул, а в Театр Ленсовета. И я перешла туда даже ни на какую не на роль. У меня начинался

туберкулезный процесс, и я почти год провалялась по санаториям.

— Туберкулез? Но не война же.

— Это следствие войны. Во время блокады у меня было крупозное воспаление легких, и остались очки. Как раз в 60-м году они вспыхнули. Я 5 лет была на учете в диспансере, потом меня вылечили, и тыфу-тыфу...

Хотя неправда. Был манок — Владимиров обещал поставить "Вестсайдскую историю", мюзикл, но потом от этой идеи отказался. И, наконец, замаячила "морковка" — "Пигмалион" — это уже был реальный манок.

— Это правда, что в вашем дипломе в качестве вашего амплуа значится "трагедист"? Фрейндлих — трагедист? Это невозможно.

— Когда я окончила институт, то в дипломе, действительно, написали: трагедист, острохарактерная. Конечно, я не была довольна и даже бегала к Альшвангеру, просила хотя бы во втором составе ввести меня на роль Ани-ты в "Пятую колонне". Да и Владимиров, когда пришел к нам в театр Комиссаржевской, держал меня на ролях девочек — точно не помню, кажется, Маши и Оли. Девочки, девочки, девочки... Я уже ненавидела этих девочек. Потом я играла Каю и Герду, Мальша в "Мальше и Карлсоне". Была даже такая роль — мальчик-пролог в спектакле "Счастливые нищие".

— Можно сказать, что Игорь Владимиров сделал актрису Фрейндлих?

— Да. Да... Другое дело, я очень надеюсь, что читатели не посчитают, будто Владимиров меня откопал, отмыл, сопли вытер. Потому что я в театре Комиссаржевской в общем-то приоткрыла свои возможности. Кстати, Мальша я сыграла, когда мне было 34—35 лет. Причем мне не давали, я его выпросила. Это волшебный материал. Волшебный! Тогда я только начинала курить.

— Хорош Мальш, ничего не скажешь.

— Да и сейчас я репетирую в новом спектакле у режиссера Владислава Пазы мальчика, правда, отраженного через воспоминания старой сиделки. Но мне все равно приходится входить в жизнь мальчика.

— Все-таки вы любительница экстрима. В кино, в фильме "На Верхней Масловке", сыграли 90-летнюю маму. Почему?

— Ну, конечно, из авантюрных соображений.

— Как, интересно, вас старили?

— Гримом, но не специальным, старческим. Никаких накладок: они просто усугубляли то, что по природе в моем лице уже присутствует. Ничего не прорисовывали. Все мои морщинки заполняли сухим гримом. Это, конечно, жестоко. И мне потребовалось какое-то время, чтобы потом привести лицо в порядок. И потом, я жила в других ритмах: пожимало человеку приходится преодолевать дыхание, пластику. Преодоление дискомфорта, когда молодую душу не пускает старый организм, — это я и играла.

А сейчас, что, это не авантюризм — играть на сцене в мгновенном диалоге пожилому женщину и 10-летнего мальчика? Если не ляпнусь, конечно. Может, потом и буду получать от спектакля удовольствие, но пока я в панике — я не в состоянии выучить 39 страниц чистого текста. Полное закипание мозгов происходит. Вот почему я попросила своего внука почитать мне. Я понимаю, что его голос я не возьму, для этого нужен хороший кузнец, который бы щипцами прижег связки. Манера, мне нужна манера: у мальчиков, в отличие от девочек, особые отношения с буквами. Когда мне звонит моя внучка, я слышу, как льется речь, а мальчик рубит, рубит, для него главное согласные. А для девочки — гласные.

6. — Многие режиссеры, с которыми вы работали, называют вас, извините, выродком в актерской профессии. Вы никогда не опаздываете, не спорите...

— Я ленюсь, мне кажется, это себе дороже — участвовать в тусовках, интригах.

— Но театральный организм таков, что если не хочешь, все равно будешь втянут в общие разборки, потому что в театре все друг с другом срослись позвонками, головами...

— Я вообще не могу сказать, что я такая покладистая. Я на репетициях бываю очень капризная, бываю истеричка. Вот сейчас, например, взаимоотношения с ролью не проходят все этапы: от детской наивности и непонимания до подросткового подхалимания режиссеру и того момента, когда я понимаю про роль не меньше, чем режиссер, а даже больше. Тут могут быть конфликты. Конечно, Владимирову досталось больше всех хотя бы потому, что ни с кем я так долго не работала, как с ним. Но он был очень зорким, знал меня очень хорошо, видел мои почеркушки сразу. Мы много спорили, и очень многое родилось именно в спорах.

— Извините, мой следующий вопрос. Если бы Игорь Петрович так сильно не пил, вы бы не расстались? Или была какая-то другая причина вашего ухода от него?

— ...Думаю, что не расстались бы. Думаю, что сильно пить он начал потому, что его обижали. Ему надо было родиться либо раньше Товстоногова, либо позже. Георгий Александрович был воспитанным человеком, но стайка клеветников и клепшущих создавала общественное мнение, которое в упор не видело спектакля Владимирово. Это сейчас вспоминают: "Ах, какое было "Укрощение!" "Ах, какое было "Преступление!" "А какая "Дульсинея!"

— Кстати, об "Укрощении". Как с таким английским, то есть покладистым актерским нутром можно сыграть строптивую сумасбродку Катарино?

— Я капризная по существу. Когда надо отстоять свое видение, я проявляю характер.

— Что же вы не проявили его в "Служебном романе", когда из вас режиссер Рязанов сделал пугало, на которое так неприятно смотреть?

— А мне нравилось. Мы с Рязановым искали этот образ. Волосы темные случайно нашли. У нас шел спектакль "Интервью в Буэнос-Айресе", где я играла чилийку, и мне сделали чудовищный черный парик — какой-то тихий ужас. Тогда я и выкрасилась в темный цвет. А тут "Служебный роман". В костюмерной взяли ко-

стом из кримплена 52-го размера, я тогда худенькая была.

— В спектакле "Калифорнийская сюита", которая в Москве собирает аншлаги, ваша героиня должна получить "Оскара", но пролетает мимо. И вы это играете с таким чувством, что веришь — и мимо вас пронесли много наград.

— Какие-то несправедливости были в моей жизни, но я никогда особенно не закидывалась, перешагивала. Единственно ради собственного сохранения. Вот сейчас мне дали "Золотой софит". Причем к статуетке прилагается некоторая премия: в конверте лежит бумажка, на ней написано, что такая-то премия, из нее 13 процентов налог — это столько-то, стоимость самой статуэтки — столько-то. Я сохранила эту бумажку на всю жизнь и сдам ее в театральный музей.

— Есть роли, которые все хвалили, а вы считаете их провальными?

— Такие были. Я же очень много играла в бестолковых советских пьесах, где играть-то было нечего.

— Отрабатывали или халтурили?

— Я никогда не халтурила, мне не стыдно. Отрабатывала честно. Или Игорь Петрович поставил "Хожение по мукам" и поставил меня играть Дашу. Я сказала ему: "Пожалуйста, не надо. Во мне нет этого доверия комсомольского начала. Не могу это играть". А Лариса Малеванная, в которой как раз есть это начало, играла Катю. И это была неудача — и там, и здесь, такой наглядный пример ошибки в назначении на роль. Я очень плохо играла Дашу.

— Вы хотите сказать, что никогда не знали пионерско-комсомольского задора, на котором выросло ваше поколение?

— В свое время я была очень даже пионеркой. Во время войны в пионерском отряде ходила, помогала по госпиталям. Выступала перед ранеными, дома читала стихи гостям. И все кружки, какие только есть, были мои. Я всегда дирижировала репродуктором, когда отсюда играла музыка. Я была очень активной комсомолкой и даже районным депутатом. У меня даже был забавный случай. Нас, актеров-депутатов, собралая какая-то тетка-секретарь и сказала: "Товарищи депутаты-артисты, называет Восьмов марта, и надо сделать силами депутатов-артистов концерт". Но главную науку, которую она пыталась нам преподать, я запомнила: "Товарищи депутаты, ваша главная задача — научиться отказывать, не отказываясь".

— Научились?

— Нет. Два годика я попристутствовала, и все.

— Закончился задор?

— Давненько.

— Вы водите машину?

— Вожу. "Колейка" была на деньги за "Служебный роман" куплена, потом "тройка", потом "пятерка", две "восьмерки". И, наконец, джип "Сузуки". И все. Я закончила ездить. Судьба, надо сказать, меня очень хорошо от вожения уводит. Как только я собираюсь сесть за руль, то левую руку сломаю, потом — ногу. Мой ангел-хранитель не хочет, чтобы я садилась за руль. Хотя я водила аккуратно. Без машины, конечно, трудно. Но театр мой рядом, а вот на дачу... Я цепляюсь за дочку, как говорит моя героиня из последнего спектакля, "цепляюсь, как вошь за ухо хозяйки, побитого наголого".

— Как вы справляетесь с ролью, но не на сцене, а в жизни — тещи вице-губернатора Санкт-Петербурга?

— Да никак не справляюсь. Просители одолевают, конечно. И Сережа не любит, когда Варя или я возникаем с какими-нибудь просьбами. Но если он мою просьбу считает законной, всегда помогает. Он выручал моего сокурсника Кирилла Черномозгова, когда тот лежал с инфарктом, и жена тоже после инфаркта, а их единственного сына забирали на военные сборы. И вот мы спасли мальчика. А так я его не дергаю по пустякам.

— А правда, что вы грибы любите собирать до сумасшествия?

— Откуда вы знаете? Я жду их. Я даже зимой во сне вижу лес.

— А что вы делаете с грибами?

— Солю, мариную, суп из них варю. Раньше грибы искала хорошо, сейчас плохо вижу. Охота, рыбалка — из этой же области. И дальше начался грибной спектакль. За час я прослушала абалденно увлекательную лекцию о том, как собирать грибы, узнала собственные рецепты соленья и квашенья грибов. Кажется, научилась отличать чернушки от свиных и перепробовала все виды грибов, имеющиеся в наличии в артистическом доме Алисы Фрейндлих. В какой-то момент показала, что грибы для нее важнее — страшно подумать! — театра. Наконец, получила волнующий рецепт грибного супа.

Готовится из свежих грибов проще пареной репы. Гриб моется, крошится в воду, полчаска варится. Лук не жарится, берется только свежий — луковичка. Потом в суп кладется морковочка, картошечка. Когда они сварятся, добавляется 100 граммов сливочного масла, и все. А в тарелку — сметана.

— И все-таки, Алиса Бруновна, почему вы год журналистским морочили голову с вашим юбилеем, пытаетесь убедить пишущую братию, что юбилей уже был и его все проспали. Вы считаете, актриса должна скрывать свой возраст?

— Я не скрывала. Но прежде хватало такта у журналистов не спрашивать про возраст. А сейчас этого такта по отношению к женщине нет. Я не то чтобы скрывала, но считала, что не нужно на этом акцентировать внимание. Это по отношению к зрителю гораздо благодарнее. Не нужно зрителю знать, сколько актрисе лет. Это действует очень парализующе, мешает восприятию по существу вопроса, начинаются оценки, приглядки: села — не села, пукнула или...

— Накануне юбилея что вы говорите Алисе Фрейндлих?

— Хватит, говорю. Играть хватит. Я буду работать, конечно, пока есть силы. Во имя того, чтобы сохранить в себе силы, пока не ослабли мышцы — ни души, ни тела. Только для этого буду работать. Столько, сколько смогу. Ну, конечно, хватит. Честно говорю.

Марина РАЙКИНА,
Санкт-Петербург — Москва.